

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В 1960-е – НАЧАЛЕ 1980-х гг. ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА)

УДК 332.2.021

Елена Борисовна Никитаева,
к.и.н., доцент, Московский государственный
областной университет
Эл. почта: enikitaeva@mail.ru

В статье рассматриваются результаты государственной аграрной политики 1960-х – начала 1980-х гг. в российской деревне. Отмечается, что многолетняя практика огосударствления колхозов привела к резкому сокращению к концу 1970-х гг. доли колхозников в общей численности работников сельского хозяйства, окончательно превратили их в наемных рабочих. Анализируются миграционные процессы в 1960-х – начале 1980-х гг. в центральных областях России, которые привели к обострению проблемы трудовых ресурсов в сельском хозяйстве.

Автор показывает, что процессу раскрестьянивания деревни способствовала проводившаяся с 1960-х гг. политика ликвидации «неперспективных сел и деревень».

Ключевые слова: крестьянство, раскрестьянивание, миграция, «неперспективные» деревни, сельское хозяйство, аграрная политика.

Elena B. Nikitaeva
PhD in History, Associate Professor, Moscow
State Regional University
E-mail: enikitaeva@mail.ru

SOCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE STATE AGRARIAN POLICY IN THE 1960TH – THE BEGINNING OF THE 1980TH FOR THE RUSSIAN VILLAGE (ON THE EXAMPLE OF THE CENTRAL DISTRICT)

Article considers results of the state agrarian policy of the 1960th – the beginning of the 1980th in the Russian village. It is noted that long-term practice of nationalization of collective farms led to sharp reduction by the end of the 1970th of a share of collective farmers in the total number of workers of agriculture, finally turned them into hired workers. Migratory processes in the 1960th – the beginning of the 1980th in the central regions of Russia which led to an aggravation of a problem of a manpower in agriculture are analyzed.

The author shows that process of peasants becoming rural workers in the village was promoted by the elimination policy pursued from 1960th of «unpromising villages».

Keywords: peasantry, migration, «unpromising» villages, agriculture, agrarian policy.

Аграрная политика 1960-х – начала 80-х годов способствовала усилению миграционных процессов в сельской местности и, как следствие, осложнению социально-демографической ситуации, тяжелому положению с трудовыми ресурсами в Центральном районе России.

1. Миграция и особенности социально-демографической ситуации

Исторически сложилось так, что для центральных сельскохозяйственных областей России была характерна высокая интенсивность миграции рабочей силы из сел в промышленные центры региона (особенно это касается Московской, Владимирской, Ивановской, Тульской и Ярославской областей) и другие районы страны. Теперь этому способствовало и то, что основным направлением экономики Центрального района стало промышленное производство, а сельское хозяйство приобрело вспомогательный характер, обслуживающий промышленность. Следствием были, во-первых, более высокая занятость трудовых ресурсов, проживавших не только в городе, но и в сельской местности, а во-вторых, значительные миграционные потоки в город, которые завершались или окончательным переселением, или вовлечением людей в маятниковую миграцию.

С 1958 г. начинается абсолютное уменьшение сельского населения во всех областях центра. С 1959 по 1985 г. численность сельского населения Нечерноземной зоны сократилась на 45% (в 1970–1985 гг. – на 27,3%), в том числе в Центральном районе: в 8–9-й пятилетках – на 7–8%, в 10-й пятилетке – на 8–9%. [1] Особенно высокими были темпы сокращения численности сельского населения в Калининской, Брянской, Смоленской областях. В Калининской области среднегодовые темпы сокращения сельского населения составляли в 1959–1969 гг. 3,48%, в 1970–1979 гг. – 4,08%, к началу 80-х годов – 4,05%, в Смоленской – 2,6 и 3,8% соответственно (к началу 80-х годов у нас данных нет), в Брянской – 1,8; 2,6; 2,2%. [2] Темпы сокращения сельского населения возросли с конца 50-х годов. Так, численность сельского населения Калининской области с 1959 г. до начала 80-х годов сократилась на 53%, Брянской – с 65 до 33%, Московской – на 35%. [3]

С 1967 г. в изменении численности сельского населения областей центра России наступает качественно новый этап. [4] До этого уменьшение численности сельских жителей происходило главным образом за счет миграции населения в города, но в селах все же существовал значительный естественный прирост, который перекрывал механическую убыль. Кроме того, сельское и особенно, конечно, городское население пополнялось мигрантами из других областей, что дало общий рост населения Центрального района. Миграция являлась определяющим демографическим фактором в изменениях численности населения.

С конца 60-х годов начинают сказываться последствия интенсивной миграции. В центральных сельскохозяйственных районах резко изменилась половозрастная структура населения в сторону уменьшения удельного веса молодежи, что привело к падению естественного прироста населения и дефициту трудовых ресурсов в сельской местности. С 1959 по 1979 г. численность лиц в возрасте от 20 до 54 лет сократилась с 49 до 29%, тогда как резко возросла численность лиц 55 лет и старше: с 16%

в 1959 г. до 34% в 1979 г. [5] Параллельно с тенденцией старения сельского населения центра шло резкое сокращение (почти в два раза) трудоспособных возрастов. К концу 70-х годов в Ивановской, Калининской, Рязанской, Смоленской и Ярославской областях более половины численности сельского населения составляли люди нетрудоспособных возрастов. Наиболее неблагоприятной была ситуация в Смоленской и Рязанской областях. В Смоленской области с 1965 по 1980 г. население в трудоспособном возрасте сократилось с 293,1 тыс. человек до 216,0 тыс., или с 70,3 до 59,7%. [6]

Тенденция старения сельского населения и сокращения трудоспособных возрастов сохранялась и в 80-е годы. Численность работающих в сельском хозяйстве Смоленской области за 20 лет (1965–1985 гг.) сократилась почти наполовину. А каждый третий житель села Брянской области в 80-е годы был пенсионного возраста. [7]

Сокращение доли молодежи в сельском населении и увеличение доли лиц старых возрастов вызвали, в свою очередь, снижение рождаемости и увеличение смертности. Центральный экономический район в 60-е – середине 80-х годов имел наименьший естественный прирост сельского населения из всех районов страны. Если в целом по стране показатель рождаемости в основном изменялся за счет снижения темпов роста уровня рождаемости в городской местности, то в центре – за счет падения рождаемости на селе. [8]

Таким образом, миграция привела к тому, что в 60-е – середине 80-х годов она уже являлась не единственной причиной убыли сельского населения. Сокращение в результате миграционного оттока из сельской местности лиц трудоспособного возраста, постарение деревни также привели к снижению рождаемости на селе и повышению смертности.

Существенное сокращение уровня рождаемости сельского населения в центральных областях России в 60–70-е годы можно про-

следить с помощью используемого в социологии коэффициента детности [9] (таблица 1) [10].

Как видим, за 20 лет произошло повсеместное и существенное снижение коэффициентов детности на селе. Причем, надо сказать, что темпы снижения были выше в сельской местности, чем в городе. Самый высокий процент снижения показателей в селах Тульской и Калининской областей – на 30%, хотя и в других – более 20%.

С начала 80-х годов в сельской местности России начинается сокращение оттока населения в город, что рассматривалось некоторыми исследователями как доказательство эффективности предпринятых мер. [11] Исследования Рыбаковского Л.Л., Тарасовой Н.В. показывают, что миграционное движение сельского населения в город реагировало на предпринятые государством в середине 70-х – начале 80-х годов меры по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР: уменьшилась масштабность и интенсивность оттока. [12] Но большинство исследователей не обращало внимания на то, что во многом за этим стоит изменение возрастной структуры сельского населения – его значительное постарение. То есть, в результате миграционных процессов 60-х–70-х годов произошло сокращение возрастных групп, способных к перемещению места работы и жительства.

Крайне негативные изменения в демографической обстановке в

60-е – 70-е гг. создали напряженный баланс трудовых ресурсов в Центральном экономическом районе. В результате оттока молодежи на селе ухудшается качественный состав трудовых ресурсов и возникает дефицит работников многих сельскохозяйственных профессий, которые не под силу пожилым и старым людям ввиду их низкой общеобразовательной подготовки и физических возможностей, связанных с возрастными изменениями.

Напряженную картину трудового баланса районов центральных областей и всей Нечерноземной зоны дают данные В.Я. Чуракова о производственной нагрузке колхозников в 60-е гг. [13] В центральном экономическом районе уровень трудовой нагрузки на одного трудоспособного колхозника в год составлял 1462,7 чел. – час. (в среднем по РСФСР – 1220,1 чел.-час.). По отношению к уровню РСФСР это составляло 119,9%. Обеспеченность колхозов трудовыми ресурсами в центральных областях была равна 83,4% от уровня РСФСР.

В 70-е гг. ситуация еще более обостряется. К середине 70-х гг. трудовая нагрузка на одного работающего в год в среднем составляла в центральных областях 1824 чел.-час. (118,6% от уровня РСФСР). [14] А, например, в Смоленской области коэффициент демографической нагрузки в сельской местности увеличился с 0,9 до 1,1. [15] Из всех областей Центрального района, по-

Таблица 1

Динамика коэффициентов детности за 1959, 1970, 1979 гг.

Области	1959	1970	1979
РСФСР	60,5	53,0	47,3
Нечерноземная зона	57,0	45,6	31,4
Брянская	65,5	54,4	42,6
Владимирская	54,8	41,7	30,0
Ивановская	52,4	40,0	28,0
Калининская	48,5	35,5	22,4
Калужская	56,9	43,9	29,8
Костромская	55,8	41,4	29,8
Московская	43,8	31,1	20,6
Рязанская	55,2	42,0	29,3
Орловская	58,2	43,6	27,9
Смоленская	52,7	41,4	29,8
Тульская	51,2	35,9	19,4
Ярославская	54,8	40,6	27,3

жалуй, только колхозы и совхозы Московской области (вследствие близости к Москве, а значит большей привлекательности) значительно лучше были обеспечены трудовыми ресурсами, чем колхозы и совхозы страны в целом. Так, в 1965 г. В общем количестве колхозников этой области, принимавших участие в производстве, трудоспособные колхозники составляли 52%, в 1970 г. – 62% и в 1979 г. – 74%. [16] Дефицит трудовых ресурсов в ряде центральных областей (Калининской, Рязанской, Смоленской, Брянской) уже к середине 70-х гг. составил более 90 тыс. человек. [17]

Одновременно с уменьшением численности трудовых ресурсов, ухудшается их структура: низок общеобразовательный уровень работников сельского хозяйства, ощущалась большая потребность колхозов и совхозов в специалистах.

Вышедшие в 70-е – первой половине 80-х гг. работы [18] однозначно оценивали деятельность партийных организаций РСФСР по укреплению сельского хозяйства руководящими кадрами: рост их численности, уровня квалификации, уменьшения количества практиков, занимающих посты руководителей среднего звена, рассматривались авторами как процессы, способствующие росту интеллектуального потенциала села. Однако эти утверждения не соответствовали реальности.

В 1 половине 60-х гг. в колхозы и совхозы после окончания вузов и техникумов было направлено 52 тыс. специалистов, в то же время количество специалистов в них за эти годы увеличилось только на 10,7 тыс. чел. [19] Несмотря на то, что более 60% директоров и 80% специалистов сельского хозяйства имели только среднее образование, учились из них заочно в высших учебных заведениях только 10% специалистов и менее 1/5 части директоров. [20] Аналогичная картина складывалась в этот период и в областях Центрального экономического района. Например, многие должности специалистов в ряде хозяйств Калининской области длительное время оставались вакантными. Так, 13 совхозов не

имели зоотехников, 4 – агрономов, 34 – экономистов. [21] В Калужской области в начале 70-х гг. их общего количества руководителей среднего звена совхозов и колхозов (157 чел.) только 19 человек имели специальное сельскохозяйственное образование, однако заочно обучалось в техникумах и вузах всего лишь 2 человека. [22]

Проблему руководящих кадров и специалистов так и не удалось решить. Как показали социологические исследования начала 80-х гг., текучесть специалистов и руководителей оставалась довольно большой. Так, по РСФСР коэффициент текучести инженерно-технических работников и частично совпадающих с ними административно-управленческого персонала составлял 20,5%. [23]

Таким образом, анализ миграционных процессов 60-х – нач. 80-х гг. в центральных областях России показал, что их результатом стало ухудшение половозрастной, образовательной структуры населения, что повлекло за собой обострение проблемы трудовых ресурсов в сельском хозяйстве. К концу 60-х гг., в связи с отмеченными тенденциями, миграция потеряла свой позитивный характер, стала фактором, затрудняющим развитие аграрного сектора. В результате того, что деревню покидали категории населения, способные к деторождению, нарушались условия воспроизводства крестьянских семей. Усилившийся отток населения из деревни в город порождал проблемы невест и одиноких стариков. С начала 80-х гг. обозначилось сокращение оттока сельских жителей. Это явилось следствием значительного постарения деревни в результате миграционных процессов в 60–70-е гг., когда произошло сокращение возрастных групп, способных менять место жительства.

2. Политика ликвидации «неперспективных» сел и деревень в 1960-е – 70-е гг.

Процесс раскрестьянивания, рассматриваемый в обществоведческой литературе в основном как отчуждение крестьян от собствен-

ности и превращение их в наемных сельскохозяйственных рабочих, имел и другую сторону: разрушение семейно-усадебного уклада жизни крестьян. Этому способствовала проводившаяся в 1960-х гг. политика ликвидации «неперспективных» сел и деревень.

Началом кампании сселения «неперспективных» сел и деревень были появившиеся в 1960 г. «Правила застройки сельских населенных пунктов РСФСР», выпущенные НИИсельхозстроем Министерства сельского хозяйства СССР, где впервые появился термин «неперспективная деревня», и фактически одобрявшее данный документ впоследствии постановления ЦК КПСС «Об упорядочении строительства на селе» от 1 сентября 1968 г. [27, с. 212–217] Те же идеи лежали и в основе постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», намечавшего укрупнения сел и ликвидацию 114 тысяч населенных пунктов из 143 тысяч. [27, с. 403, 404]

Экономическую «целесообразность» и социальную «необходимость» кардинального изменения веками сложившегося сельского уклада, идею сосредоточения социально-бытового строительства только в перспективных селах и деревнях в 60-е – 70-е гг. обосновывали как ученые (социологи, прежде всего), так и целые ведомства.

Выполняя директивы партии, Стройбанк СССР не финансировал не только новое строительство, но и капитальный ремонт существующих зданий и сооружений в «неперспективных» селах.

Отнесение многих тысяч сел и деревень к категории «неперспективных» – а в РСФСР в этот разряд в 60-е гг. попали 70–80% сел и деревень [25, с. 19] – приводило к прекращению строительства в них новых и свертыванию имевшихся школ, небольших животноводческих ферм, магазинов, клубов, хлебопекарен, фельдшерских и акушерских пунктов, ликвидации автобусных маршрутов и остановок на малорентабельных направлениях.

ях, связывающих малые поселения с крупными [29], что в сущности означало вытеснение людей из привычных мест жительства. Это породило, вопреки прогнозам, интенсивную миграцию из мелких сел и деревень населения, особенно молодежи. При этом, жители «неперспективных» поселений устремились, минуя «перспективные», в города. Таким образом, политика сселения «неперспективных» поселений дала обратный результат.

Особенно губительной отмеченная политика оказалась для Центрального района России (и для всего Нечерноземья), для которого характерна мелкоселенная система сельского расселения. Здесь в 60-е – 70-е гг. преобладали населенные пункты с численностью сельского населения до 500 человек. В начале 70-х гг. в Нечерноземной зоне доля таких поселений составляла 95,2%, в Центральном районе – 96,1%, а населенных пунктов с численностью населения от 1000 человек до 3000 человек – 0,1% соответственно [26, с. 146, 166]. Более того, в 60-е 70-е гг. в центральном регионе было большое количество мелких сельских поселений с численностью до 50 человек. Удельный вес таких поселений в Калининской, Костромской, Ярославской, Тульской, Ивановской, Смоленской областях к началу 70-х гг. составлял около 62%, а на долю мельчайших сельских поселений (с числом жителей до 15 чел.) приходилось более 20% [30] причем количество населенных пунктов с числом жителей до 15 человек с каждым годом увеличивалось в среднем на 3–4% [31].

В силу мелкоселенной структуры сельского расселения, объем первоочередного сселения в начале 70-х гг. в Московской области составил 55%, в Ярославской – 60%, в Калининской – более 80% существующих населенных пунктов. [25, с. 19]

Недостаточность средств, нежелание людей покидать родные места были причинами того, что сселение протекало крайне медленно. В Ярославской области по схемам районных планировок предусматривалось в течение 60х гг.

сократить число деревень почти на 6 тысяч.

Однако, количество мелких сельских поселений уменьшилось лишь на 533 населенных пункта [32]. Аналогичное положение складывалось и в других областях. Так, во Владимирской области пятилетний план (1976–1980 гг.) по переселению 5500 дворов в благоустроенные поселки был выполнен только на 38% [32]. Несостоятельность политики ликвидации «неперспективных» сел и деревень становилась все очевидней.

Одним из основных теоретических положений, разрабатываемых многочисленными НИИ, занимающимися проектными работами по застройке сельских населенных пунктов (в Московской области, например, Мосгипрониисельстрой), о целесообразности ликвидации одной части сельских поселков для укрупнения другой являлся тезис о том, что в более крупном населенном пункте ниже удельные затраты на его строительство и эксплуатацию (расчеты на условных моделях показывали, что, например, в поселках с 2500 жителей капитальные вложения – в расчете на 1 жителя – почти на % ниже, чем в населенном пункте с 500 человек.) [24, с. 22] Но, дело в том, что данный эффект достигался экономией капитальных вложений за счет инженерного оборудования, благоустройства, а также строительства культурно-бытовых зданий и сооружений. Именно по этим статьям расходов обеспечивалось почти 70% всей экономии при укрупнении поселка от 500 до 2500 жителей и 87% при укрупнении от 1200 до 2500 человек. [24, с. 23]

Кроме того, в связи с ограниченностью ресурсов коренное преобразование перспективных сел возможно было лишь за 15–20 лет и более. [25, с. 16] А что касается начального этапа, то в эти годы перспективные села, как правило, мало чем отличались от «неперспективных». Поэтому поток мигрантов устремился не в перспективные села, а в города.

Политика ликвидации «неперспективных сел и деревень не учи-

тывала социально-психологических факторов, что привело к росту оттока населения из сел. В условиях, когда сельские поселения отставали в социально-экономическом и культурно-бытовом отношении от города, интенсивность оттока сельского населения из мест с менее благоприятными условиями обитания в более благоприятные в значительной степени регулировалась психологическими факторами и, прежде всего, привычками, традициями, привязанностью к своему дому, селу, сложившемуся укладу жизни. Немалое значение имели родственные, соседские связи.

Поэтому ликвидация огромного числа сельских поселений коренным образом меняла образ жизни и установки значительной части сельского населения, которые наряду с другими факторами играют важную роль (а в неблагоприятных условиях проживания – решающую) в сдерживании миграции сельского населения.

В результате политики сселения «неперспективных» сел и деревень численность сельских поселений в России с 1959 по 1989 гг. уменьшилась на 139 тысяч, в том числе в Нечерноземной зоне – на 76 тысяч. [28, с. 41]

Корни этой политики лежат в осуществлении курса на все большую концентрацию сельскохозяйственного производства без учета реальных социально-экономических условий. Она и натолкнулась на неприспособленность для этого исторически сложившейся системы расселения в Центральном районе России, как и в большинстве регионов РСФСР.

Политика ликвидации «неперспективных» сел и деревень была обусловлена не только курсом партии на создание в сельской местности крупных индустриальных поселений, но и объективными обстоятельствами усиливающейся с конца 50-х гг. миграции из села и нехваткой трудовых ресурсов.

Логическим продолжением идеи о «неперспективных» селах стало выдвинутое Н.С. Хрущевым в начале 60-х гг. предложение вместо индивидуальных домов в сельской

местности вести строительство многоэтажных домов (не более пяти этажей).

Политика сселения «неперспективных» сел и деревень привела в действительности к губительным последствиям для сельской местности центральных областей России, что дало основание социологам сегодня выделить тип «обезлюдевшей среднерусской деревни», охватывающей 22 области Центральной России.

Литература

1. Табачников В.Б. Концепции и пути ускорения социального развития села // Пути ускорения социального развития села Нечерноземной зоны РСФСР. Сборник научных трудов / Отв. ред. Табачников В.Б. Л. 1988. С. 5,7.

2. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1990.

3. Шукин А.С. Демографическая ситуация в пригородных сельских районах Калининской области // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1978. С. 31;

Миронова Г.Л. Демографическая ситуация в сельских поселениях Центрального экономического района (на примере Брянской области) // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С.71

4. Кутафьева Э.С., Москалева Н.И., Папенков К.В., Трудова М.Г. Миграция сельского населения в Центральном экономическом районе. М., 1971. с. 19.

5. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979г. М., 1990.

6. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979г. М., 1990.

7. Миронова Г.Л. Указ. соч. С.71

8. Вестник статистики. 1975. №12. С.81–83.

9. Соотношение детей (0–9 лет) и численности населения в возрасте 20–49 лет.

10. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1990.

11. Сидоренко Н.М. Партия и кадры села. Ростов-на-Дону, 1987. С.75.

12. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.Н. Миграционные процессы в СССР: новые явления // Социологические исследования. 1990 г. №7. С.32.

13. Чураков В.Я. Актуальные проблемы использования трудовых ресурсов села. М., 1972. С. 85, 146.

14. Территориальные особенности народонаселения РСФСР / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М., 1976. С. 191.

15. Велданова И., Казаков А., Лиходед В. Миграционная подвижность сельского населения Нечерноземья // Нечерноземье: демографические процессы. М., 1977. С. 53

16. Расчеты сделаны по материалам сводных годовых отчетов колхозов Московской области.

17. РГАНИ. Ф.5. Оп.62. Ед. хр. 237. Л.3.

18. Глушков А.А. Партийные организации и сельская интеллигенция. Саратов, 1984; Зеркалов В.И. Деятельность партийных организаций по подготовке кадров специалистов сельского хозяйства. 1966–70 гг. (на материалах Среднего и Нижнего Поволжья): Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1985; Брызгалов А.В. Деятельность партийных организаций по укреплению сельского хозяйства руководящими кадрами в условиях развитого социализма. (1971–1980 гг.): Дис... канд. ист. наук. М., 1984; Суздальцев В.П. Развитие сельскохозяйственной интеллигенции в условиях научно-технического прогресса. Пенза, 1974 и др.

19. РГАНИ. Ф.5. Оп. 46. Ед. хр. 517.Л.81

20. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 139. Д.391. Л.12.

21. Там же. Л.13.

22. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 139. Д.433. Л.50.

23. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1986. С. 127.

24. Бельский В.Р. Основы совершенствования сельского расселения Нечерноземной зоны. – М.: Статистика. 1977. – 172 с.

25. Бельский В.Р., Федунцова Г.Ф. Сельское расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. – М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре. 1975. – 327 с.

26. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. – М.: Статистика. 1972. Т. 1. – 834 с.

27. Ленинская аграрная политика КПСС. – М.: Политиздат. 1978. – 680 с.

28. Прошляков В.П., Гординский Я.П. Кто же их выдумал «неперспективные» деревни? // Достижения науки и техники АПК. 1992. №4.

29. ЦХСД. Ф. 5. Он. 68. Д. 942. Л. 4.

30. ЦХСД. Ф.5 Он. 62. Ед.хр. 237. Л. 8.

31. ЦХСД. Ф.5 Он. 62. Ед.хр. 237. Л. 9.

32. ЦХСД. Ф.5 Он. 62. Ед.хр. 237. Л. 10.

33. ЦХСД. Ф.5 Он. 62. Д.995. Л. 62; Ф. 17 Он 148. Д.177. Л.145

References

1. Tabachnikov V.B. Concepts and ways of acceleration of social development of the village// Puti uskoreniya socialnogo razvitiya sela Nechernozemnoj zony RSFSR. Sbornik nauchnyh trudov /Otv. red. Tabachnikov V.B. L., 1988. S.5,7.

2. It is calculated on: Results of All-Union population census of 1959 of M., 1962; Results of All-Union population census of 1970 of M., 1972; Results of All-Union population census of 1979 of M., 1990

3. Shukin A.S. Demographic situation in suburban rural regions of Kalinin area// Voprosy socialno-ekonomicheskoy geografii Verhnevolzhya. Kalinin, 1978. S.31; Mironova G.L. Demographic situation in rural settlements of the Central economic region (on the example of the Bryansk region)// Metodika i opyt izucheniya selskih poselenij Nechernozemya. M., 1991. S.71

4. Kutafeva E.S., Moskaleva N.I., Papenov K.V., Trudova M.G. Migration of country people in the Central economic region. M., 1971. s. 19

5. It is calculated on: Results of All-Union population census of 1959 of M., 1962; Results of All-Union population census of 1970 of M., 1972; Results of All-Union population census of 1979 of M., 1990

6. It is calculated on: Results of All-Union population census of 1959 of M., 1962; Results of All-Union population census of 1970 of M., 1972; Results of All-Union population census of 1979 of M., 1990

7. Mironova G.L. Demographic situation in rural settlements of the Central economic region (on the example of the Bryansk region) // Metodika i opyt izucheniya selskih posele-nij Nechernozemya. M., 1991. S.71

8. Vestnyk statistiki. 1975. №12. S.81–83

9. A ratio of children (0–9 years) and population at the age of 20–49 years.

10. It is calculated on: Results of All-Union population census of 1959 of M., 1962; Results of All-Union population census of 1970 of M., 1972; Results of All-Union population census of 1979 of M., 1990

11. Sidorenko N.M. Party and human resources of the village. Rostov-na-Donu, 1987. S.75.

12. Rybakovskij L.L., Tarasova N.N. Migratory processes in

the USSR: new phenomena // Sociologicheskie issledovaniya. 1990g. №7 S.32.

13. Churakov V.Ya. Actual problems of use of a manpower of the village. M., 1972. S. 85,146.

14. Territorial features of the population of RSFSR/ Pod red. L.L. Rybakovskogo. M.,1976. S.191.

15. Veldanova I., Kazakov A., Leehod V. Migratory mobility of country people of Non-Black soil Region// Nechernozeme: demograficheskie processy. M., 1977. S. 53

16. Calculations are made on materials of summary annual reports of collective farms of the Moscow region.

17. RGANI. F.5. Op.62. Ed.hr. 237. L.Z.

18. Glushkov A.A. Party organizations and rural intellectuals. Saratov, 1984; Zerkalov V.I. Activity of the party organizations for training of experts of agriculture. 1966–70gg. (on materials of Central and Lower Volga area) Diss... kand.ist.nauk. Saratov, 1985; Bryzgalov A.V. Activity of the party organizations for strengthening of agriculture by the managerial personnel in the conditions of the developed socialism. (1971–1980). Diss... kand. Ist. Nauk. M., 1984; Suzdalcev V.P. Development of the agricultural intellectuals in the conditions of scientific and technical progress. Penza, 1974.

19. RGANI. F.5. Op. 46. Ed.hr. 517.L.81

20. RGASPI. F.17. Op. 139. D.391. L.12.

21. RGASPI. F.17. Op. 139. D.391. L.13.

22. RGASPI. F.17. Op. 139. D.433. L.50.

23. Social structure of country people of the USSR. M., 1986. S. 127.

24. Belenkij V.R. Bases of improvement of rural moving of the Non-black soil zone. M.: Statistika. 1977. – 172 s.

25. Belenkij V.R., Fedunova G.F. Rural moving in the Non-black soil zone RSFSR. M.: CNTI po grazhdanskomu stroitelstvu i arhitekture. 1975. – 327 s.

26. Results of All-Union population census of 1970. – M.: Statistika. 1972. T. 1. –834 s.

27. Lenin agrarian policy of CPSU- M.: Politizdat. 1978. – 680 s.

28. Proshlyakov V.P., Gordinskij Ya.P. Who invented “unpromising” villages? // Dostizheniya nauki i tekhniki APK. 1992. №4.

29. CHSD. F. 5. On. 68. D. 942. L. 4.

30. CHSD. F.5 On. 62. Ed.hr. 237. L. 8.

31. CHSD. F.5 On. 62. Ed.hr. 237. L. 9.

32. CHSD. F.5 On. 62. Ed.hr. 237. L. 10.

33. CHSD. F.5 On. 62. D.995. L 62; F. 17 On 148. D.177. L.145